

О.Ю. Богданова

Краткий очерк жизни и творчества И.А. Бунина

Иван Алексеевич Бунин родился 10 октября (по старому стилю) 1870 года в древней обедневшей дворянской семье. В числе имен своих предков Бунин называет поэтессу начала XIX века А.П. Бунину и поэта В.А. Жуковского. Прадед его был богат и владел землями в центральных российских губерниях, отец же, Алексей Николаевич, по беспечности и расточительности способствовал разорению семьи. Он был человеком даровитым, хотя и сложным, наполненный ощущением своего барского происхождения.

Людмила Александровна, мать Ивана Алексеевича, происходила из рода Чубаровых и была женщиной доброй, нежной, преданной семье, отличалась характером «самоотверженным».

Бунин, как сам он пишет, относился равнодушно «не только к своей “голубой” крови, но и к полной утрате всего того, что было связано с нею: только поэтическими были мои юношеские “дворянские элегии”, которых, кстати сказать, у меня гораздо меньше, чем видели некоторые мои критики, часто находившие черты личной жизни и личных чувств даже в тех моих писаниях, где и следа их нет, и вообще многое навязавшие мне».

В 1870 году Бунины едут в Воронеж «для воспитания» старших сыновей Юлия и Евгения. Здесь и родился будущий писатель. Летом 1874 семья переезжает в поместье на хутор Бутырки Елецкого уезда. «Там, в глубочайшей полевой тишине... летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло все мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной», — вспоминает писатель.

В детстве от матери и дворовых Бунин слышал много песен и рассказов. «Им же я обязан и первыми познаниями о народном и старинном языке», — вспоминал писатель.

В 1881–1886 Бунин учился в Елецкой гимназии, которую не закончил. Пребывание там оставило впечатления далеко не радостные: «Резок был переход и от совершенно свободной жизни, от забот матери к жизни в городе, к нелепым строгостям в гимназии и к тяжелому быту тех мещанских и купеческих домов, где мне пришлось быть нахлебником». Будущий писатель признается, что в детстве он читал мало, а в городе стал часто болеть, да еще и влюбился и, как всегда, восторженно («дело кончилось тем, что я вышел из гимназии»).

Семья переселяется в имение Озерки, которое осталось в наследство после смерти бабушки Чубаровой. За те четыре года, что Бунин там прожил, он много прочитал и «много исписал... бумаги», снова окреп, возмужал и «исполнился радостного ощущения все растущей молодости и сил».

В Озерки на три года после тюрьмы выслали брата Юлия, выпускника Московского университета, осужденного «по политическим делам». Он прошел с Иваном весь гимназический курс, занимался языками, основами общественных и философских наук.

«В памяти, — напишет Бунин в дневнике, — морозные солнечные дни. Лунные ночи, прогулки, разговоры с Юлием».

Озерки оставили в памяти Бунина яркие впечатления. Описания тех мест читатель найдет в романе «Жизнь Арсеньева», рассказах «Антоновские яблоки», «Заря всю ночь», «Золотое дно», «В деревне». Поэтическое воссоздание Озерков узнается в стихотворении «Соловьи» (1892). Многие места Елецкого уезда так или иначе отражены в произведениях писателя.

Писать Бунин начал в отрочестве и достаточно легко, так как «подражал... больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину... даже в почерке». Затем творить становилось труднее «в силу потребности высказать уже кое-что свое, — чаще всего любовное».

В одном из майских номеров петербургского еженедельного журнала «Родина» за 1887 напечатано стихотворение Бунина «Деревенский нищий». «Утра, когда я шел с этим номером с почты в Озерки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не забуду», – вспоминал писатель.

С осени 1889 Бунин стал работать в газете «Орловский вестник». В качестве приложения к ней в 1891 вышел первый сборник стихов Бунина. Стихотворение «Не пугай меня грозою...» из этого сборника, как отмечает исследователь творчества Бунина А. Бабореко, включалось писателем во все последующие издания. В Орле, как пишет Бунин, «опять сразила меня, к великому моему несчастью, долгая любовь». Речь идет об отношениях с Варварой Пащенко, доставивших молодому писателю много переживаний.

В 1892 вслед за братом Юлием Иван Алексеевич поехал в Полтаву, где работал библиотекарем, статистиком, корреспондентом местных газет. Бунин много ездит, путешествует, увлеченный толстовской проповедью, стал навещать «братьев».

Много нового и интересного принес начинающему писателю 1895 год. Бунин приезжает в Петербург, затем в Москву, где знакомится с Чеховым, Бальмонтом, Брюсовым. В воспоминаниях, написанных за рубежом, Бунин скажет: «В литературную среду я вошел в середине девяностых годов. Тут я уже не застал, к несчастью, ни Фета, ни Полонского, не застал Гаршина... Но я застал еще не только самого Толстого, но и Чехова; застал Эртеля, тоже замечательного человека и автора «Гардениных», романа, который навсегда останется в русской литературе; застал Короленко, написавшего свой чудесный «Сон Макара»; застал Григоровича, — видел его однажды в книжном магазине Суворина: тут передо мною был уже легендарный человек; застал поэта Жемчужникова, одного из авторов «Козьмы Пруткова», часто бывал у него, и он называл меня своим юным другом...»

Заметим, что Бунин видит себя, свое творчество в развитии традиций русской литературы XIX века. Он критически относится к декадентам, поэзии Брюсова и Гиппиус, эстетике русского символизма.

В 1895 в печати появляется рассказ Бунина «На край света», посвященный судьбе переселенцев в Уссурийский край. Произведение было тепло встречено критиками, причем подчеркивалось знание русской жизни, художественная чуткость автора, удержавшая его от «фальшивой сентиментальности», а также незаурядная наблюдательность, красота пейзажа, «собственная манера». В 1897 выходит в свет сборник рассказов писателя. Вскоре Бунин уезжает на юг, живет «скитальчески». В 1898 он женится на А.Н. Цакни, дочери издателя и редактора газеты «Южное обозрение», в которой Бунин сотрудничал. Через два года семья распалась, а в 1905 умер сын Бунина и Цакни — Николай.

В этот период у Бунина складываются дружеские отношения с А. Чеховым, Л. Андреевым, А. Куприным, М. Горьким, он становится участником литературного кружка «Среды», душой которого был Н. Телешов.

Всю жизнь писатель считал непревзойденными мастерами слова Пушкина и Лермонтова. Особенно трепетно относился Бунин к Л. Толстому, художественный авторитет которого был для него чрезвычайно велик.

Каким был Иван Бунин в эти годы? Как его воспринимали современники? В 1890-е годы он становится известным писателем, его много печатают в горьковском издательстве «Знание». Многие прозаические и поэтические произведения Бунина, вышедшие в это время, станут классическими и войдут впоследствии в школьные программы. Это рассказы «Перевал», «Танька», «Антоновские яблоки», стихотворения «Родина», «Соловьи», «Листопад», «Ковыль», «Родник», «На высоте, на снеговой вершине...», «Еще и холоден и сыр...», «Перед закатом набежало...», «Метель». Картины природы, русской деревни, тяжелой жизни мужика, темы Родины и ее истории, высокие духовные стремления поэта сразу вызвали читательские симпатии. В поэтике его стихов и прозы

угадываются фольклорно-мифологические образы, сохраняются лучшие традиции писателей-классиков. Вместе с тем и в ритме его произведений, и в выборе ярких «цветовых» эпитетов, и в особом восприятии родного «пространства» есть нечто новое, неповторимое.

В 1896 выходит отдельным изданием бунинский перевод «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло (в 1898 читатели увидят переработанный вариант). Любовь к этой «божественной», по его словам, песне писатель пронес через всю жизнь, много раз совершенствуя текст. В 1903 бунинский перевод «Песни о Гайавате» будет отмечен Пушкинской премией Академии наук.

Иван Алексеевич был недоволен теми критиками, которые торопились причислить его в «число идилликов и каких-то «созерцателей». Бунин всегда отрицательно относился к стремлению отнести его к тому или иному литературному направлению. Так, он не принял мысль о его увлечении декадентством, в частности, в стихотворении «В Альпах» (впоследствии «На высоте, на снеговой вершине...»). В сонете поэт высказал свой взгляд на значение и роль поэзии: передал чувство убежденности в ее исключительности, выразил надежду на понимание в среде поэтов и равнодушное отношение к «привету» толпы. Впоследствии многие критики будут говорить о традициях русского реализма в творчестве Бунина и об особой роли символа в его художественных произведениях.

В 1903 поэтический сборник Бунина «Листопад» был отмечен (совместно с «Песней о Гайавате») Пушкинской премией, в 1909 писателю присуждают вторую Пушкинскую премию и избирают почетным академиком Российской академии наук, а в 1912 — почетным членом Общества любителей российской словесности.

Бунин очень много путешествовал, лето же неизменно проводил в деревне. Он сам назвал «чужие края», где побывал. Это Турция, Малая Азия, Греция, Египет, Палестина, Тунис и окраины Сахары, Цейлон, «почти вся Европа». Завершает это перечисление писатель такими словами: «...говоря словами Боратынского, отовсюду — «к вам приходил, родные степи, моя начальная любовь» — и снова «по свету бродил и наблюдал людское племя...» «Начальную любовь» к родине Бунин сохранит и в себе и в своих творениях до последних дней.

С годами произведения Бунина находят все более широкий отклик у читателей, критиков, писателей, поэтов. Максимилиан Волошин высоко оценил сборник «Стихотворения», вышедший в издательстве «Знание», сумев понять уникальность поэзии Бунина, многозначность его словесного дара и художественного мира:

«Но наравне с этой светлой и ясною грустью русского пейзажа у Бунина есть живопись ночная, хмурая, в темных тонах прозрачного хрусталя, налитого талой водой.

Драгоценность книги Бунина — небольшая поэма «Сапсан». Поэма угрюмой зимней ночи — русской ночи. Это чистая, строгая живопись. Штрих за штрихом, тон за тоном — точно тяжелые свинцовые капли черного ночного дождя. Ни одной яркой краски, ни одного сияющего слова, но каждое слово полно неутомимой верности и точности. Из-за слов встает огромная мистическая неизбежность пустынной ночи.
< ... >

Эта поэма как черный ствол одинокого дерева, с трагическим величием поднимающего свои короткие обнаженные ветви к серому небу. Остальные стихотворения — как опавшая листва у его подножья».

С 1907 постоянным и верным спутником Бунина стала Вера Николаевна Муромцева. «С тех пор жажда странствовать и работать овладела мною с новой силой», — напишет Иван Алексеевич.

Начало века знаменует собой наступление второго десятилетия литературной деятельности Бунина. Созданы повести «Суходол» и «Деревня», рассказы «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Сны Чанга», «Грамматика любви». Как видим, на первом месте оказалась проза. Бунин отмечает: «...Книгоиздательство Маркса выпускает приложением к «Ниве» редактированное мною собрание моих сочинений, куда входит все, что я считаю более или менее достойно печати». Подводя итоги первым двум десятилетиям своей литературной деятельности, писатель говорит о необычности своего

жизненного пути и о том, что первые ценители спешили уложить его творчество «на какую-нибудь полочку».

Позже, в 1921, в предисловии к французскому изданию рассказа «Господин из Сан-Франциско» писатель предельно четко оценит этот период творчества, и в частности повесть «Деревня». «Это было начало целого ряда произведений, резко рисовавших русскую душу, ее своеобразные сплетения, ее светлые и темные, но почти всегда трагические основы». В прямую связь с «Деревней» Бунин ставил «Суходол». Он отмечал, что в повести нарисована картина жизни «следующего (после мужиков и мещан «Деревни») представителя русского народа — дворянства». Он думал, что жизнь дворян и мужиков тесно связана, а душа у них «одинаково русская». Какие прекрасные задушевные слова на пороге грозных событий!..

В 1910–1916 Бунин много пишет и сам чувствует, как все более «крепнет... рука». Быстроту создания рассказа «Легкое дыхание» (1916) он относит к «счастливейшим минутам».

Зиму 1917–1918 Бунин прожил в Москве, в квартире родителей Муромцевой, на Поварской. Гремят орудия, все боятся пожаров. Однако литературная жизнь Ивана Алексеевича продолжалась: он бывал в «Книгоиздательстве писателей», посещал литературные кружки. В 1917 в Петрограде вышел сборник стихов Бунина «Храм солнца». Как справедливо отмечает критик О. Михайлов, писатель задолго до событий 1917 года предчувствовал их приближение, много раздумывал о будущем России, о народе.

В мае 1918 Иван Алексеевич и Вера Николаевна покинули Москву. Через Минск, Гомель и Киев они наконец прибыли в Одессу, где сразу оказались в привычном кругу писателей и художников. Яркий южный город пережил и австро-венгерский, и англо-французский оккупационные периоды, и налеты различных банд. Пришла зима 1918–1919, о которой В. Лавров в книге о жизни Бунина в эмиграции пишет, что она «выдалась страшная. Топить было нечем, и в доме Буковецкого, куда Бунины... переехали после ухода австрийцев, держалась лютая стужа. Жизнь словно остановилась. Каждый день был заполнен голодом и страхом. На Одессу наступал Петлюра... 13 декабря Вера Николаевна писала в дневнике: «Сидим дома, так как на улицах стреляют. Кажется, вводят осадное положение, выходить из дома можно до девяти часов вечера. Вчера выпустили восемьсот уголовников. Ждем гостей. Ожидание паршивое».

В апреле 1919 в Одессе была установлена советская власть, но порядку было мало, голод наступал все сильнее, многие друзья Бунина уезжали в эмиграцию, а он все не решался. События и атмосфера этого периода отражены в повести Валентина Катаева «Трава забвения», который еще совсем молодым писателем бывал у Ивана Алексеевича:

«К этому времени Бунин был уже настолько скомпрометирован своими контрреволюционными взглядами, которых, кстати, не скрывал, что его могли без всяких разговоров расстрелять и наверное бы расстреляли, если бы не его старинный друг одесский художник Нилус, живший в том же доме, где жили и Бунины, на чердаке, описанном в «Снах Чанга», не на простом чердаке, а на чердаке «теплом, благоухающем сигарой, устланном коврами, уставленном старинной мебелью, увешанном картинами и парчовыми тканями...».

Так вот, если бы этот самый Нилус не проявил бешеной энергии — телеграфировал в Москву Луначарскому, чуть ли не на коленях умолял председателя Одесского ревкома, — то еще неизвестно, чем бы кончилось дело.

Так или иначе Нилус получил специальную, так называемую охранную грамоту на жизнь, имущество и личную неприкосновенность академика Бунина, которую и приколоты кнопками к лаковой, богатой двери особняка на Княжеской улице.

...К особняку подошел отряд вооруженных матросов и солдат особого отдела. Увидев в окно синие воротники и оранжевые распахнутые полушубки, Вера Николаевна бесшумно сползла вдоль стены вниз и потеряла сознание, а Бунин, резко стуча каблуками по натертому паркету, подошел к дверям, остановился на пороге как вкопанный, странно откинув назад вытянутые руки со сжатыми изо всех сил кулаками, и судороги пробежали по его побелевшему лицу с трясущейся бородкой и страшными глазами.

— Если хоть кто-нибудь осмелится перешагнуть порог моего дома... – не закричал, а как-то ужасно проскрежетал он, играя челюстями и обнажая желтоватые, крепкие, острые зубы, – то первому же человеку я собственными зубами перегрызу горло, и пусть меня потом убивают! Я не хочу больше жить!

Мне тут же вспомнились строки его стихов: "...веди меня, вали под нож в единый мах — не то держись: зубами всех заем, не оторвут!"».

В августе 1919 в Одессу вошли деникинские войска. Бунин, уставший от сумятицы, иногда жалел, что покинул Москву, но все еще не решался на отъезд, на потерю России, даже временную, беспокоился за судьбу оставшегося в Москве брата Юлия. События и настроения одесского периода нашли отражение в начатых еще в Москве (1 января 1918) художественно-публицистических очерках Бунина «Окаянные дни». Последние записи обрываются в июне 1919. Российский читатель впервые познакомился с очерками в 1989–1990 годах в репринтном издании по X тому сочинений Бунина, изданному в Берлине.

В заметках (как сам писатель определил жанр «Окаянных дней») Бунин воссоздает обстановку в Москве: споры, митинги, ораторы, мужики, рабочий со злой и веселой улыбкой, солдаты, писатели; дамы, курсистки и офицеры, продающие что-то на углах улиц, и все еще светящиеся «матовым розовым золотом кресты церквей». И наконец, Одесса: «бешенство слухов», газеты, разговоры, воспоминания, встречи с писателями и художниками, проникновенные пейзажи, уличные зарисовки, обрывки речей. Вся послереволюционная картина воочию встает перед читателями.

26 января (8 февраля) 1920 Иван Алексеевич Бунин с Верой Николаевной Муромцевой на пароходе под французским флагом в крошечной каюте отплыл от родного берега. Ему было 49 лет. Он — известнейший русский писатель, академик Российской академии наук, автор многих замечательных произведений — никогда больше не увидит Россию. Родина будет ему являться в снах и раздумьях — в образе любимых городов, полей, лиц. Он всегда будет думать о ней, она станет частью его самого. Однако Бунин не сможет и не захочет вернуться даже после победных месяцев 1945.

А пока перед беженцами бурное море, множество народу, невеселое веселье в соседней каюте. Затем — Константинополь. Далее — София: грязный отель, в городе тиф. Потом — Белград и жизнь в железнодорожном вагоне.

В марте 1920 Бунин и Муромцева приехали в Париж. Они живут у друзей. Встречаются с А. Толстым, А. Куприным, К. Бальмонтом, З. Гиппиус, М. Алдановым, Тэффи. В дневнике Веры Николаевны часто встречаются упоминания о плохом настроении Ивана Алексеевича. Он, всегда писавший много и легко, не может наладить творческую жизнь. И все же в 1921 появятся рассказы «Третий класс», «Конец» и др.

В сознании писателя как бы сливаются прошлое и настоящее, это то, что О. Михайлов называет «сгущением времени», подчеркивая одну из особенностей поэтики Бунина — расширение художественного времени и пространства, высокий эмоциональный накал авторского чувствования.

Летом 1921 умер брат писателя Юлий, духовно близкий ему человек, поэтому до конца года это скорбное известие скрывали от Ивана Алексеевича.

В 1921 по просьбе одного из парижских издательств Бунин пишет автобиографию для отдельного издания «Господина из Сан-Франциско». Во Франции писатель жил первое время в Париже, а летом 1923 переселился в Приморские Альпы, возвращаясь в Париж только на короткие зимние месяцы. В Приморских Альпах, в Грассе, им были написаны «Митина любовь» (1924), «Солнечный удар» (1925), «Дело корнета Елагина» (1925), «Ночь» (1925), «Жизнь Арсеньева» (1927–1929, 1933), «Темные аллеи» (1937–1945).

1922 год знаменателен возвращением Бунина к поэзии. Летом он пишет строки, за которыми угадывается и горькая память о прошлом, об отцовском доме, и трудная эмигрантская жизнь в Париже:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом,
С своей уж ветхою котомкой!

Кажется, трудно найти более скорбные строки. В нескольких строках поэту удалось выразить глубокий и сдержанный взгляд на собственную судьбу и на жизнь вообще.

Этим же летом Бунин пишет «В полночный час я встану...», «Сириус», «Печаль ресниц, сияющих и черных...».

В 1922, получив наконец развод с А. Цакни, Бунин сочетался законным браком с Верой Николаевной Муромцевой.

В Грассе Бунин в основном живет и работает на виллах «Бельведер» (1923–1939) и «Жаннетт» (1939–1945). По записям и фотографиям тех лет можно составить представление о том, что окружало писателя: перед домом — пальмы, далеко за ними — море, автомобильная дорога, к езде по которой пристрастился Иван Алексеевич. Вилла «Бельведер» расположена в верхней части Грасса. Видны дальние горы Эстереля, крутая дорога, ведущая вниз, называется Наполеоновой. Вокруг множество цветов. Иван Алексеевич постоянно чувствует эту красоту. То, что окружало писателя в Грассе, нашло художественное воплощение на страницах «Жизни Арсеньева»: «Я выхожу из дому в уступчатый сад, на усыпанную гравием площадку под пальмами, откуда видна целая страна долин, моря и гор, сияющая солнцем и синевой воздуха. Огромная лесистая низменность, все повышаясь своими волнами, холмами и впадинами, идет от моря к тем предгорьям Альп, где я... На горизонте впереди — высоко поднимающаяся к светлотуманному небу белесая туманность далекого моря. А тот горбатый мыс — левой, тонет в утреннем морском блеске, зыбко окружающем его...» Этот проникновенный пейзаж, как солнце в капле воды, отражает своеобразие бунинской поэтики. Все ярко, зримо, ибо везде чувствуется присутствие авторского «я».

Жизнь русской эмиграции сложна и противоречива. В 1924 увидел свет рассказ Бунина «Митина любовь», который вызвал прямо противоположные отклики в среде писателей-эмигрантов: от восторженных (К. Зайцев) и сдержанных (Вл. Ходасевич) до резко отрицательных (З. Гиппиус). Сила чувственной страсти, страшная сила разочарования, темы любви и смерти с необыкновенным художественным мастерством показаны писателем в рассказе «Митина любовь». За произведением стояла пережитая в молодости личная трагедия. Не случайно тонкий знаток творчества Бунина В. Лавров в романе-хронике «Холодная осень» пишет о несчастной любви к В. Пашенко, считая ее человеком черствым и неискренним. Состояние Бунина после разрыва с Пашенко, по мнению Лаврова, передано в рассказе «В ночном море»: встреча после двадцати трех лет разлуки двух бывших друзей, между которыми витает тень уже умершей женщины.

В середине 1920-х Бунин публикует эссе о Пушкине, постоянно читает и перечитывает классику, готовит книги «Освобождение Толстого» и оставшуюся неоконченной «О Чехове».

Летом 1926 Бунин знакомится с поэтессой Галиной Кузнецовой, ставшей его ученицей и последней, но несчастливой любовью. В 1927 Кузнецова становится фактически членом семьи Буниных — и их взаимоотношения получают широкую огласку.

Через шесть лет Галина Кузнецова ушла от Бунина, причем к женщине, Марге Степун, чем несказанно унизила и потрясла Ивана Алексеевича. У Буниных она продолжала бывать вместе с подругой. Иван Алексеевич страдал, но продолжал по-прежнему заботиться об издании стихов Кузнецовой. Литературовед Л. Смирнова утверждает, что душевный подъем, пережитый Буниным в пору сближения с Кузнецовой, не мог не повлиять на создание самого крупного произведения писателя — романа

«Жизнь Арсеньева», хотя известно, что замысел созрел в течение многих лет и реализовывался в рассказах, записях и заметках.

Поэт и литературный критик Георгий Адамович так описывает Бунина в 30-е годы: «С возрастом он стал красивее и как бы породистее. Седина шла к нему, шло и то, что он сбрил бороду и усы. Появилось в его облике что-то величавое, римски-сенаторское, усиливавшееся с течением дальнейших лет... Он был на редкость умен. Но ум его с гораздо большей очевидностью обнаружился в суждениях о людях и о том, что несколько расплывчато можно назвать жизнью, чем в области отвлеченных логических построений. Людей он видел насквозь, безошибочно догадывался о том, что они предпочли бы скрыть, безошибочно угадывал малейшее притворство». Георгий Адамович свидетельствует об особом отношении Бунина к таланту Чехова, о «глубочайшем преклонении перед Толстым» и о том, что писатель был «несправедлив» к Достоевскому.

Роман «Жизнь Арсеньева» критики поняли по-разному. Убедительна позиция О. Михайлова, назвавшего роман «вымышленной автобиографией» и «монологом о судьбе России». В главе XII книги пятой, например, можно найти этому прямое подтверждение: «За триумфальными воротами начиналась темнота, уездная ночная глушь. И вот я мысленно видел какой-то уездный городишко, неведомый, несуществующий, только вообразившийся мне, но так, точно вся моя жизнь прошла в нем...»

Образы детства, семьи, деревень и городов, отроческие и юношеские годы, встречи прошлые и настоящие и раздумья, раздумья — все это передается на ярком убедительном лирическом фоне. Тончайшие движения души героя, его любовь, горечь разлуки и собирательный образ Лики не могли не откликнуться в читательских сердцах.

Заслуги Бунина перед литературой были оценены высоко: ему было присуждена Нобелевская премия «...за правдивый артистичный талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер». События декабря 1933, связанные с вручением премии, он опишет позднее: «Весь вечер «Бельведер» полон звоном телефона, из которого что-то отдаленно кричат мне какие-то разноязычные люди чуть не из всех столиц Европы, оглашается звонками почтальонов, приносящих все новые и новые приветственные телеграммы чуть не из всех стран мира, — отовсюду, кроме России! — и выдерживает первые натиски посетителей всякого рода, фотографов и журналистов... Так неожиданно понесло меня тем стремительным потоком, который превратился вскоре даже в некоторое подобие сумасшедшего существования: ни единой свободной и спокойной минуты с утра до вечера. Наряду со всем тем обычным, что ежегодно происходит вокруг каждого нобелевского лауреата, со мной, в силу необычности моего положения, то есть моей принадлежности к той странной России, которая сейчас рассеяна по всему свету, происходило нечто такое, чего никогда не испытывал ни один лауреат в мире: решение Стокгольма стало для всей этой России, столь униженной и оскорбленной во всех своих чувствах, событием истинно национальным...» Почувствовав себя богатым, Бунин раздает пособия различным обществам и просто нуждающимся эмигрантам, вкладывает деньги в, казалось бы, «беспроигрышное дело» и лишается их. Бунины не купили ни квартиры, ни виллы, а в письмах писатель постоянно упоминает о безденежье, обмане издателей.

В середине 1930-х Бунин собирает материал для книги «Освобождение Толстого», которая увидит свет в 1937. Это итог многолетних раздумий о личности, творчестве, жизни и смерти великого писателя.

«Освобождение Толстого» — это не воспоминания (хотя и они есть), это переключка мыслей и чувств двух гениев. Последняя дорога Толстого помогает пролить свет на всю прожитую им жизнь. «Создав уникальный памятник любимому писателю и мыслителю — «Освобождение Толстого», Бунин ощущал его излучение до своего конечного, смертного часа», — пишет О. Михайлов в книге «Литература русского зарубежья».

В середине 1930-х Бунин опять путешествует, теперь по Европе: Бельгия, Тарту, Рига, Белград, Лозанна, Венеция — и везде встречи, чтение со сцены, банкеты, приветствия.

Однако в мире было очень беспокойно. Началась Вторая мировая война. В июне 1940 немцы вошли в Париж. Бунины уехали в Грасс. Иван Алексеевич следит за событиями на Родине, отмечает по карте линию фронта, места боев. Семья терпит лишения, голодает, тем не менее у них в доме всегда кто-нибудь живет. Писатель даже принимал у себя советских военнопленных.

С 1937 по 1944 Бунин создает проникновенную книгу о любви, о России «Темные аллеи». Он будет считать ее своим лучшим творением. Тридцать восемь рассказов книги повествуют о любви как величайшем счастье, как озарении. Бунин изображает и молодую зарождающуюся любовь, и любовь, пронесенную через всю жизнь, раскрывая с несравненным мастерством судьбы человеческие, тончайшую психологию чувств. Мастерски передает писатель движение памяти героя от настоящего к прошлому, что создает расширение художественного времени в повествовании. Уезжая с постоянного двора, герой рассказа «Темные аллеи» «...хмуро думал: “Да, как прелестна была! Волшебна прекрасна!.. Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни?”»

До конца апреля 1945 года Бунины живут на вилле «Жаннет». Здесь семья пережила и голод, и «арктический холод», а главное — тревогу за отечество. Многие друзья уехали в США: Цетлины, Алданов. У Буниных на вилле живут Кузнецова с Маргой («барышни»), Леонид Зуров (писатель), литератор Александр Бахрах, исполнявший обязанности секретаря, и многие другие. Бунину уже минуло семьдесят лет. Он спасается работой: пишет, исправляет написанное ранее, перечитывает Чехова. В доме холодно, питание более чем скудное, в России бои.

События тех лет отражены в дневниках и письмах Ивана Алексеевича и Веры Николаевны, в воспоминаниях современников. Из письма Я. Полонскому, одному из самых близких Бунину в эти годы людей (март 1945): «Быть в Париже надеемся в конце апреля — квартира наша свободна. Но как осуществить эту надежду? И главное — на какие деньги? Повторяю — положение мое в этом смысле прямо ужасное!» Из письма писателю М. Алданову (апрель 1945): «У меня что-то с печенью, худоба и слабость от голода и всяческих горестей (да и от лет) ужасная. Вера Николаевна худа, как скелет, и нервна необыкновенно...»

В мае 1945 Бунины переезжают в Париж. Писатель озабочен судьбой своего архива. Девять чемоданов, упакованных им перед отъездом (дневники, рукописи, письма, корректура книг), чудом уцелели.

После войны советское правительство приняло гуманное решение: разрешить эмигрантам восстановить гражданство СССР. В Париж приезжает Константин Симонов и несколько раз встречается с Иваном Алексеевичем. Бунин в раздумьях: возвращаться на родину или нет?

В конце 1940-х писатель много болел, лечился на берегу Лазурного моря. Об этом периоде вспоминает Ирина Одоевцева, с которой Бунин вел долгие беседы. «Я смотрю на Бунина. Он шагает энергично, уверенно и широко. У него эластичная, ритмическая походка. Мне с ним легко идти в ногу... Он с чисто восточной роскошью и богатством образов, сведений и деталей рассказывает об Африке, о Цейлоне, об Индии». Одоевцева пишет, что Бунин вспомнил о его отношениях с Кузнецовой, а в конце разговора подчеркнул, что всегда будет благодарить Бога за то, что он послал ему Веру Николаевну.

Именно Вера Николаевна уже после смерти писателя издаст незавершенную книгу Бунина «О Чехове».

Умер Иван Алексеевич в два часа ночи с 7 на 8 ноября 1953. Могила писателя находится под Парижем, на пригородном русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

В 1954 году на II съезде советских писателей овацией, по словам К. Паустовского, было встречено предложение о возвращении Бунина русской литературе. «И он был возвращен. Были возвращены на родину драгоценнейшие бунинские вещи...» – писал Константин Паустовский, очевидец этих событий.